
ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ЕЕ СОВРЕМЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

© 2014 г. Розалина Васильевна Шагиева¹

Краткая аннотация: автор статьи представляет эволюцию взглядов отечественных правоведов на категорию “правовая деятельность”, показывая, что от формальных ее определений ученые-юристы постепенно переходят к определениям природы и содержания правовой деятельности, обосновывая ее неотъемлемость деятельности юридической. На основе анализа современных публикаций автор приходит к выводу о применимости такого подхода и к исследованию юридической и правовой ответственности, правовых и юридических процессов и т.д.

Ключевые слова: деятельностный подход, социальная деятельность, правовая система, право, правовая деятельность, правовая деятельность.

Annotation: the author presents the evolution of the views of local lawyers in the category of “legal activity”, showing that from the formal definitions of its scientists, lawyers are moving to the definition of the nature and content of the legal activity, justifying its non-identity of law. Based on the analysis of current publications, the author concludes that the applicability of this approach to the investigation and the legal and liability, legal and judicial processes, etc.

Key words: activity approach, social activities, the legal system, law, legal activities, legal action.

Общетеоретические вопросы правовой деятельности стали разрабатываться в отечественном научном правоведении вслед за “деятельностным” бумом в общефилософской литературе², когда многие исследователи-обществоведы были вынуждены констатировать, что научная картина мира, основанная на марксистских представлениях, лишила этот мир человека и человеческого лица. В ходе одной из самых плодотворных дискуссий по данной проблематике, проведенной на страницах журнала “Вопросы философии”³, была подробно обсуждена сложившаяся к тому моменту ситуация. Конечно, деятельность исследовалась, но как бы в отрыве от деятеля, психические про-

цессы моделировались без субъекта – личности. Вольно или невольно обществоведы-марксисты, а вслед за ними и правоведы полагали, что преувеличение значения деятельностного подхода приведет к идеализму. Ученый-правовед А.И. Брызгалов справедливо замечает: “Ведь для многих сегодня не секрет, что большинство подходов по исследованию правовой действительности либо вообще исключало отдельного человека из круга обсуждаемых проблем, либо косвенно, частично затрагивало вопросы правового существования личности. По существу, теоретические разработки отделяли право от конкретного человека, от его форм существования. Все сводилось лишь к тому, что отдельный индивид должен всегда следовать установкам и правилам, которые созданы без него. Хотя человек тем и ценен, что способен к самостоятельному творчеству”⁴. В естественно-историческом аспекте человек выступал как элемент производительных сил и формировался как следствие объективного процесса функционирования и развития способа производства. Тем не менее, даже на основе марксистских представлений отечественная юридическая наука исходила из того, что в каждом акте жизнедеятельности человек стремится реализовать себя в этом мире. Он воплощает в жизнь свои программы, ценности,

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии, доктор юридических наук.

² Не случайно в 70–80-е годы анализ человеческой деятельности стал одним из самых заметных течений общественной жизни (см.: Каган М.С. Человеческая деятельность. М., 1974; Кветной М.С. Человеческая деятельность: сущность, структура, типы (Социологический аспект). Саратов, 1974; Арефьева Г.С. Социальная активность (Проблема субъекта и объекта в социальной практике и познании). М., 1974; Воронович Б.А., Плетников Ю.К. Категория “деятельность” в историческом материализме. М., 1975; Буева Л.П. Человек: деятельность и общение. М., 1978; Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981; Рожко К.Г. Принцип деятельности. Томск, 1983; Николов Л. Структуры человеческой деятельности. М., 1984; Демин М.В. Природа деятельности. М., 1984; и др.).

³ См.: Вопросы философии. 1985. № 2–3, 5.

⁴ Брызгалов А.И. О некоторых теоретико-методологических проблемах юридической науки на современном этапе // Гос. и право. 2004. № 4. С. 21.

идеалы. И в этом аспекте, когда субъект выбирает свой путь в определенных объективных условиях на основе уже сложившейся системы ценностей его поведение чаще всего рассматривается как деятельность.

Особое методологическое звучание, в частности, имели попытки отечественных философов исследовать место, роль и значение права в системе общественной деятельности в контексте изучения культуры. Так, В.Н. Сидоров полагал, что правовая деятельность являет собой специфический духовно-практический способ освоения мира человеком. В соответствии с этим им дано одно из первых в отечественной науке определений правовой деятельности как некоторого масштаба социальной активности (свободы выбора и свободы самовыражения), детерминированного волей и сознанием субъекта, причем в деятельности должно присутствовать признание свободы воли других субъектов и наличия предела, за которым кончается право и начинается произвол. При всей абстрактности данного подхода нельзя не согласиться с выводом автора, что отличительными чертами права и правовой деятельности являются справедливость и равенство⁵.

В целом методологические работы, появившиеся в обществоведении по вопросам деятельности и поведения, были способны выступить мировоззренческим источником юридических исследований правовой деятельности. Но нельзя не заметить, что более глубоко разработанными оказались вопросы правового поведения, правовых форм деятельности государства, а также правомерного поведения⁶, но не собственно категория “правовая деятельность”.

Приходится констатировать, что существенное влияние на характер предлагаемых в указанных работах трактовок и использования категорий “правовое поведение” и “правовая деятельность” оказали не столько общеправовые разработки, сколько некоторые научные идеи, получившие

ранее развитие в правоведении (теория правоотношений и правопорядка). Во-первых, более широкое применение поначалу получило понятие “поведение”. Во-вторых, анализ деятельности в правовой сфере в основном связывался с изучением тех действий, которые регулируются правом и которыми реализуются правовые нормы, субъективные права и юридические обязанности⁷.

Можно указать, что понимание деятельности, урегулированной правом, в качестве правовой деятельности согласуется с определением правоотношения как общественного отношения, урегулированного правом, ставшего до определенного момента почти общим местом в нашей юридической науке. Некоторые авторы, предпринявшие критику данного подхода к рассмотрению правовых явлений, пришли к выводу, что “чисто” правовой деятельности (как и правовых общественных отношений) со специфическим правовым предметом не существует⁸. В частности, Ю.С. Решетов писал по этому поводу: “Говоря о правореализующей деятельности, следует иметь в виду не какую-то особую разновидность человеческой деятельности, вписанную в нее в качестве одной из структурных единиц наряду с производственной, социально-политической, духовной деятельностью, а перевод соответствующих принципов и норм права из потенциального состояния в поведенческое, процессуальное состояние, в ходе чего решаются экономические, политические, социальные, идеологические задачи...”⁹. Подобная позиция сложилась и в исследованиях ученых-философов по проблеме правовой деятельности. Так, В.Н. Сидоров писал, что правовая деятельность не локализована в какой-то определенной сфере общественной или личной жизни, иными словами, она не обладает собственной предметной областью, а представляет собой определенную сторону общественной практики. Любой вид человеческой деятельности может заключать в себе правовой компонент¹⁰.

Нам же представлялась более обоснованной позиция тех ученых, которые исходили из наличия правовой деятельности как самостоятельной

⁵ См.: Сидоров В.Н. Право как феномен культуры. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 1991. С. 11.

⁶ См.: Перфильев В.В. Действие права (понятие, структура, свойства). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1975; Казимирчук В.П. Социальное действие права в условиях развитого социализма. Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. М., 1977; Орзих М.Ф. Право и личность. Вопросы теории правового воздействия на личность социалистического общества. Киев; Одесса, 1985; Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978; Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности. Киев, 1985; Правовые формы деятельности общенародного государства / Под ред. В.М. Горшенева. Харьков, 1985; Карташов В.Н. Юридическая деятельность в социалистическом обществе. Ярославль, 1987.

⁷ См.: Вершинин А.П. Соотношение категорий “правовое поведение” и “правовая деятельность” // Юридическая деятельность: сущность, структура, виды. Ярославль, 1989. С. 33.

⁸ См.: Хайкин Я.З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. М., 1972. С. 110–165; Раскатов Р.В., Ткаченко Ю.Г. Проблемы общей теории государства и права. Учеб. пос. по спецкурсу. Вып. 4. М., 1977. С. 7, 8.

⁹ Решетов Ю.С. Механизм правореализации в условиях развитого социализма. Казань, 1980. С. 30.

¹⁰ См.: Сидоров В.Н. Указ. соч. С. 11.

разновидности социальной деятельности. Таковой признавалась прежде всего процессуальная деятельность¹¹. Так, некоторые авторы считали собственно правовой лишь деятельность специальных субъектов (законодательных органов, милиции, суда и т.д.), направленную на организацию и поддержание правопорядка¹². В.Н. Карташов предпочел использовать для ее наименования термин “юридическая”, что позволило ему избежать упреков в чрезмерном ограничении сферы правовой деятельности. Он писал: “В специальном категориальном значении под юридической деятельностью следует понимать лишь такую опосредованную правом профессиональную, трудовую, государственно-властную деятельность по вынесению юридических решений компетентных на то органов, которая нацелена на выполнение общественных функций и задач (создание законов, осуществление правосудия, конкретизацию права и т.д.) и удовлетворение тем самым как общесоциальных, групповых, так и индивидуальных потребностей и интересов”¹³.

Однако Ф.Н. Фаткуллин настаивал на более широком понимании данной категории и считал, что правовая деятельность складывается из всех действий субъектов права в различных сферах жизни, предпринимаемых на основе правовых норм, в соответствии с ними. И хотя эта позиция не может претендовать на окончательное разрешение данной проблемы, нельзя не заметить, что именно Ф.Н. Фаткуллин придал правовой деятельности специальный статус в научном правоведении. Он утверждал, что с ней сопоставима лишь категория “правовая надстройка”, вместе с которой они и составляют особую целостность – правовую реальность. Кроме того, в плоскости той же реальности следует рассматривать также противоправные действия и бездействие физического или вербального (словесного) характера, образующие правонарушения, а равно злоупотребления правом, когда они не перерастают в правонарушения¹⁴. Поскольку правовые отклоне-

ния образуют “язву” на “теле” соответствующего правового “организма”, они вряд ли не могут считаться явлениями (хотя и болезненными) правовой действительности. В то же время их нельзя рассматривать, как писал Ф.Н. Фаткуллин, в качестве элемента правовой формы или правовой надстройки, поскольку правонарушения и злоупотребления субъективным правом происходят как раз в нарушение этой формы, вопреки всей правовой надстройке страны. Впоследствии он к противоправной реальности прибавил объективно-противоправные деяния и правоприменительные ошибки¹⁵.

Нельзя было не заметить и такое широкое определение правовой деятельности, когда под ней подразумевали всю совокупность действий Советского государства в лице его органов, иных социалистических организаций и граждан в связи с созданием и реализацией юридических норм, использованием других правовых рычагов при решении социально-экономических задач. В этом случае она трактуется как вносящая организованность в другую, регулируемую деятельность¹⁶.

Своеобразным компромиссом между сторонниками узкого и широкого пониманий правовой деятельности можно считать ее определение как такой деятельности, которая несет в себе информацию и волеизъявления субъектов по поводу другой, регулируемой деятельности и в ходе которой субъектами постоянно совершаются правовые акты, т.е. создаются, закрепляются, защищаются нормы, постоянно “воссоздается” право¹⁷.

В 80-е годы XX в. наметился еще один аспект научных исследований, в связи с которым поднималась проблема правовой деятельности. Имеется в виду активная разработка категории “правовая система”. Ее внедрение в научный оборот обосновывается в принципе теми же причинами, что и категория “правовая деятельность”, – выявлением роли, которую играет в этой системе личность как высшая социальная ценность в нашем обществе и как активный субъект правовой деятельности. Действительно, если правовую систему рассматривать как весь арсенал юридических средств и **всю совокупную правовую деятельность**, осуществляемую в обществе в различных формах и сферах, то перед исследователем предстает сложный и обширный правовой мир, мир бесчислен-

¹¹ См. об этом: *Шагиева Р.В.* Процессуально-правовые нормы и их реализация в социалистическом обществе. Казань, 1986. С. 44–48; *Протасов В.Н.* Правоотношение как система. М., 1991. С. 59. Сейчас же эта позиция (в том числе и авторская) представляется не совсем обоснованной, противоречивой, фрагментарной, в чем-то устаревшей для развертывания деятельностного подхода, хотя и заслуживающей все-таки специального рассмотрения.

¹² См.: *Кропачев Н.М., Прохоров В.С.* О понятии правовых отношений // Правоведение. 1986. № 3. С. 41.

¹³ Юридическая деятельность: сущность, структура, виды. Сб. науч. трудов. Ярославль, 1989. С. 12.

¹⁴ См.: *Фаткуллин Ф.Н.* Проблемы общей теории социалистической правовой надстройки. Казань, 1980. С. 85.

¹⁵ См.: *Фаткуллин Ф.Н.* Основы теории государства и права. Казань, 1995. С. 167, 168.

¹⁶ См.: *Пугинский Б.И.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. С. 17; *Его же.* Основные проблемы теории гражданско-правовых средств. Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. М., 1985. С. 15.

¹⁷ См.: *Вершинин А.П.* Указ. соч. С. 37, 38.

ных связей, в центре которого находится человек. Правовая система позволяет индивиду раскрыть его возможности и способности, реализовать свой социальный и нравственный потенциал. При этом во всех работах, где поднимается проблема правовой системы, неизменно упоминается правовая деятельность в качестве ее элемента¹⁸. Данное направление исследований является одним из самых перспективных в юриспруденции и в настоящее время.

В связи с этим можно привести рассуждения В.Н. Протасова, который полагает, что идея деятельности и идея системности тесно связаны, тяготеют друг к другу. В соединении с системным деятельностный подход обретает большую эффективность, методологически усиливается¹⁹. Еще категоричнее высказался В.Н. Сидоров: “Деятельностный подход выступает вместе с тем и как подход системный. Есть основание утверждать, что чисто деятельностного подхода вообще не существует, есть системно-деятельностный подход. Такое понимание органически вытекает из сущности деятельности как системы, в которой проявляется отношение к миру”²⁰.

На наш взгляд, приведенные методологические установки особенно важны при рассмотрении правовой деятельности как деятельности, безусловно, системной.

Последние годы характеризуются активизацией исследовательских усилий по рассматриваемой проблеме. В философской литературе отмечается, что деятельностный подход не только возможен в современных условиях, но и весьма перспективен. Однако его развитие предполагает переосмысление и пересмотр ряда связанных с ним представлений²¹. Подобного рода переосмысления уже имеют место²².

Приняв участие в обновлении представлений относительно использования деятельностного подхода в философско-правовых исследованиях, нельзя не прийти к аналогичному выводу, ибо категория “деятельность” в философско-антропологическом смысле отражает сущностное качество человека, способ его бытия, необходимое условие самодостаточности. Модель деятельности человека включает в себя такие компоненты, как субъект, объект, потребность, интерес, познание, эмоции, идеал, оценка, цель, средства, воля, действие, результат, самооценка и саморегулирование. Их рассмотрение имеет фундаментальное методологическое значение для концепции правовой деятельности²³.

В появившихся в юридической науке публикациях обращает на себя внимание употребление в основном понятия “юридическая деятельность”²⁴. Правда, ему придается весьма широкое значение. Так, Я.В. Турбова рассматривает юридическую деятельность не только как профессиональную деятельность должностных лиц, но и с более широких позиций. Для нее юридическая деятельность выступает как деятельность всех субъектов, реализующих права и обязанности с помощью специальных правовых средств в различных типах правового регулирования: правовая активность, правореализующая деятельность в составе общедозволительного и разрешительного регулирования²⁵. Однако в общей теории государства и права по-прежнему сохраняет свои позиции узкое понимание категории “юридическая деятельность”. Отдельные авторы отстаивают представление о юридической деятельности как о совокупности таких юридически значимых актов компетентных органов и должностных лиц, которые нацелены на внесение организованности в иную социальную деятельность в интересах защиты прав, свобод и безопасности граждан

¹⁸ См.: Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 9, 10; Теория государства и права. Учеб. / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 1998. С. 488; Марочкин С.Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Тюмень, 1998. С. 31. Несколько выбивается из общего контекста позиция В.Н. Кудрявцева, предлагающего в понятие “правовое поведение” включить противоправные действия. Эту точку зрения поддерживает А.С. Шабуров (см.: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 36, 42; Теория государства и права. Учеб. / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. С. 398–402).

¹⁹ См.: Протасов В.Н. Правоотношение как система. М., 1991. С. 32–34.

²⁰ Сидоров В.Н. Указ. соч. С. 9.

²¹ См.: Лекторский В.А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 65.

²² См.: Коренберг В.Б. Активность – протосознание – деятельность – сознание” (Обращение к проблеме общей теории деятельности). М., 2011.

²³ См.: Мальков Б.Н., Шагиева Р.В. Деятельностно-методологический подход к формированию философии права как учебной и научной дисциплины // Труды МГЮА. 2001. № 7. С. 66.

²⁴ См.: Беляев В.П. Юридическая деятельность: признаки, субъекты, функции // Право и образование. 2004. № 6. С. 5–26.

²⁵ См.: Турбова Я.В. Правосознание в структуре юридической деятельности. Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 25. В подобном ключе определяется юридическая деятельность в: Социология права. Учеб. пос. / Под ред. В.М. Сырых. М., 2001. С. 167, 168. Но термин “правовая деятельность” также нередок. Например, в кн.: Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. М., 1998, – параграф назван “Толкование конституционных норм как вид правовой деятельности”.

и их объединений, а также охраны общества и государства²⁶.

Весьма перспективным представляется сопоставление юридической деятельности, понимаемой в узком смысле, с юридической технологией и юридической техникой: «Юридическая деятельность лишь тогда приобретает системный характер, целенаправленность, по большому счету смысл и, следовательно, способна принести социальную пользу, когда упорядочена нормами технологии и юридической техники. Юридическая деятельность и юридическая технология соотносятся между собой как форма и содержание, где определяющим, без сомнения, является содержание (поступки, операции и др.). Закономерности технологических этапов, соответствующие порядки и правила, их опосредующие, можно представить в качестве формы (режима) юридической деятельности»²⁷.

Такое понимание юридической деятельности соответствует тому, которое встречается в отраслевых исследованиях, в частности в науках административного, финансового и информационного права (труды И.Л. Бачило, Д.В. Винницкого, М.В. Карасевой, А.Р. Кирсанова, Ю.А. Крохиной, М.Р. Мурзабекова, И.М. Рассолова и др.). Можно заметить, что и здесь (например, при исследовании бюджетной деятельности государства) подчеркивается целесообразность использования системного подхода²⁸.

Обращает на себя внимание системно-деятельностная концепция правового регулирования, в рамках которой определены прямые и обратные связи, возникающие в процессе правотворческой и правоприменительной деятельности²⁹. Наконец, интерес представляет рассмотрение права как нормативно-деятельностной системы³⁰.

Становится очевидным, что к настоящему времени в отечественной юридической науке накоплен достаточно богатый материал, позволяющий определить науковедческий статус категории «правовая деятельность» и ее место в категориальном аппарате юридической науки. Первым шагом в этом направлении могут послужить определение понятия «правовая деятельность» и сопоставление его с понятием «юридическая деятельность».

В обыденной речи, да и чаще всего в научном обороте слова «правовой» и «юридический» употребляются как синонимы. Нам же представляется, что слова «юридический» и «правовой» следует выводить из различных смысловых значений. Одна из первых на это обратила внимание Л.В. Петрова, которая считала, что попытка отождествить слова «юридический» и «правовой» этимологически и теоретически несостоятельна. Для обоснования своей позиции данный автор ссылается на авторитет римских юристов и утверждает, что слово *jus* («право») происходит от *justitia* («правда», «справедливость»). А вот термин «юридический» происходит от лат. *juridicus*, т.е. «судебный»³¹.

В то же время русское слово «право» этимологически нельзя вывести из латыни. Его смысловое пространство очерчивается однокоренными русскими же словами: «справедливость», «правь», «правда»³², «праведный», «правильный», «правила» и др. В юридической литературе аналогичное мнение высказывает А.Я. Берченко: «В нашем языке слово «право» генетически – исконно русское, народное, обозначающее вначале правду, праведность, истину, справедливость, правдивость, правоту»³³. «Право и правда проистекают из одного корня», – писал В.С. Нерсисянц³⁴. Традиционно в юридической литературе считалось, что право в этом отношении неотделимо от справедливости. «Право», «правовое», «справедливое» – это один ряд близких по значению слов³⁵.

²⁶ См.: Чуфаровский Ю.В. Юридическая деятельность: понятие и структура, ее ценность и значимость // Юрист. 1994. № 4; Антонов А.С. Юридическая деятельность: понятие, структура и содержание // Юридическое образование и наука. 2002. № 1. С. 44; Шагиев Б.В. Юридическая деятельность в современном российском обществе. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 7; Кирсанов А. Юридическая деятельность органов в системе государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Теоретические аспекты // Закон и право. 2003. № 9. С. 31–34.

²⁷ Власенко Н.А. Законодательная техника (Теория. Опыт. Правила). Иркутск, 2001. С. 8, 9.

²⁸ См., например: Крохина Ю.А. Бюджетное право и российский федерализм. М., 2002. С. 74.

²⁹ См.: Едидин Б.А. Суд в системе органов государственной власти России. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8; Ершов В.В. Суд в системе органов государственной власти // Росс. правосудие. 2006. № 1. С. 43–45.

³⁰ См.: Мальцев В.А. Право как нормативно-деятельностная система // Правоведение. 2002. № 2.

³¹ См.: Петрова Л.В. О естественном и позитивном праве (Критические заметки по поводу учебника С.С. Алексеева) // Гос. и право. 1995. № 2. С. 36.

³² Любопытно проанализировать следующее высказывание: «Не случайно у нас родилось кроме «истины» еще отдельное (и почти неперебиваемое) слово «правда»: тут и истина, тут – и личная нравственность, тут – и общественная справедливость» (Солженицын А.И. Россия в обвале. М., 1998. С. 161).

³³ Берченко А.Я. Еще раз о проблеме права и закона // Журнал рос. права. 1999. № 3/4. С. 80.

³⁴ Нерсисянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1998. С. 127.

³⁵ См.: Алексеев С.С. Государство и право. Начальный курс. М., 1994. С. 62. Есть и другие толкования термина «право». Например, немецкий филолог М. Фасмер пытается

В связи с обсуждаемым вопросом интересны следующие утверждения В.А. Истархова: “От понятия “Веды” происходят слова: “ведать”, “поведать”, “сведения”, “проповедь”, “заповедь”..., “поведение”, “**справедливость**”... и пр.”. Рассматривая далее одну из ипостасей бытия в ведической религии древних славян, цитируемый автор пишет: “Правь – правящая или управляющая ипостась бытия. Правь – это система всеобщих законов и правил, установленная Сварогом, по которой устроен мир и в соответствии с которой надо жить правильному хорошему человеку. Жить по Праву – это правильно думать, правильно говорить и правильно делать. Отсюда происходят слова “правда”, “правдивый”, “правый”, “правила”, “правильный”, “справедливый”, “праведный” (правильной веды)”³⁶.

Исходя из этих обстоятельств, мы приходим к выводу, что термин “юридический” понадобился в русском языке не как равнозначный уже имеющемуся слову “правовой” и не как выводимый из значения “судебный” (суд и право были на Руси издревле), а для обозначения чего-то нового, связанного с появившейся работой профессионалов – юристов. Достаточно заглянуть в толково-словообразовательный словарь, где слово “юридический” трактуется как соотносящийся по значению с существительным “юрист”, связанный с ним; предназначенный для подготовки юристов, работников юстиции; связанный с правом, правоведением; правовой; связанный с работой юриста, юристов; состоящий из юристов³⁷.

С учетом проведенного анализа терминов “правовой” и “юридический” можно сделать следующий предварительный вывод. Категория “правовая деятельность” необходима для фиксации всех деяний, признаваемых³⁸ нашим обществом

установить связь между русским словом “право” и латинским “провинция” (от “правообладающий полномочиями”) (см.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. Т. 1. М., 1991. С. 556).

³⁶ *Истархов В.А.* Удар русских богов. М., 2001. С. 218, 225, 226.

³⁷ См.: *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный словарь. М., 2000. С. 1072. В связи с этим можно согласиться с определением юридической деятельности как деятельности профессиональной (см.: *Юридическая деятельность: сущность, структура, виды.* Сб. науч. трудов. С. 12).

³⁸ В научной литературе уже давно существует понятие порядков *признания*. Еще Г.В.Ф. Гегель показывал, что именно посредством институтов, каковы семья, гражданское общество, наконец, политические институты, вступает в действие то, что он называл *признанием* (см.: *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. Самосознание. СПб., 1992. С. 99–106). М. Вебером *признание* объявляется конститутивным моментом всякого социального действия

и государством правильными, справедливыми, какими бы субъектами они ни осуществлялись. Деятельность же юридическая должна осуществляться лишь на профессиональной основе, юристами, поскольку связана со специальными операциями по поводу правовых явлений, требует особых навыков и умений.

Эта деятельность именуется нами “юридической” именно потому, что в ее ходе профессионалами создаются (формулируются) правовые тексты, в которых возводятся в обязательный ранг официальные эталоны правовой деятельности (в том числе и для самой юридической как для деятельности политико-правовой). Ее результатом являются социальные блага (законы, судебные решения и т.д.), имеющие юридический характер, по содержанию направленные на организацию правовой деятельности, а по форме приобретающие политический характер. Ее задача – официальное подтверждение границ правового в общественной жизни и придание им юридической значимости³⁹.

Все это свидетельствует о том, что юридическая (или политико-правовая) деятельность в определенной степени может рассматриваться как относительно самостоятельный вид социальной деятельности наряду с экономической, духовной и др., а точнее – как один из подвидов деятельности политической, осуществляемой на профессиональной основе, как правило, юристами, обладающими государственно-властными полномочиями. В юридической литературе отмечается: “Юридическая деятельность имеет своим предметом процесс создания и реализации права, чем и отличается от других видов социальной деятельности”⁴⁰.

В отличие от юридической, правовая деятельность не является разновидностью социальной деятельности в ряду видов человеческой деятельности, выделяемых в соответствии с основными сферами общественной жизни – экономической, социальной, политической и духовной⁴¹. Дело в

вообще (см.: *Рикер П.* Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии права. 1996. № 4. С. 29).

³⁹ Например, *П. Рикер* считает, что правосудие – не ответ насилием на насилие, не дополнительное насилие: правосудие высказывает то, что общество в данный момент рассматривает как правовое состояние (см.: *Рикер П.* Указ. соч. С. 33).

⁴⁰ *Беляев В.П.* Указ. соч. С. 13.

⁴¹ В качестве критериев обособления данных видов выступают *предмет и результат* деятельности (см.: *Буева Л.П.* Человек: деятельность и общение. М., 1978. С. 82). В основе различий правовой и неправовой деятельности находятся другие, юридические критерии.

том, что в каждой из этих четырех сфер может быть проведена демаркационная линия между правовым и неправовым. В этом смысле правовая деятельность выступает дополнительным социальным аспектом экономического, духовного и т.д. способа бытия, когда в них возникает потребность в совершенствовании межличностных отношений, в создании и поддержании порядка, мира, безопасности, справедливости. Зарубежные исследователи определяют право как аспект социальной структуры, который с целью обеспечения контроля над обществом должен пронизывать все социальные отношения как механизм социального контроля, уменьшающего конфликтность и “снимающего” напряжение в обществе⁴².

Действительно, в цивилизованном обществе постоянно возникают и разрешаются всевозможные социальные коллизии и проблемные ситуации особым, “правовым” способом, направленным на достижение общественного мира во всех сферах социальной жизни. В качестве такого способа и выступает многообразная правовая деятельность, основанная на способности ее субъектов в целях удовлетворения разнообразных интересов свободно реализовывать свою волю в рамках условий, обеспечивающих общественный мир. В связи с этим имеет смысл научно обосновать понятие “правовая деятельность” лишь в плане его отграничения от понятия “неправовая” или “внеправовая”, охватывающего всю остальную человеческую деятельность, реально осуществляемую в социально-экономической, политической и духовной сферах вне пределов правового способа бытия.

Но в то же время неточно утверждать, что “чисто” правовой деятельности не существует и что следует говорить о ней лишь условно, имея в виду под ней правовую форму социальной жизни. Правовая деятельность не может быть сведена только к бессодержательной правовой форме, которая придает стабильность, прочность, гарантированность социально-экономическому, политическому и иному содержанию. Она имеет свою форму и самостоятельное содержание.

В правовом пространстве дополнительно к остальной предметной деятельности осуществляются специальные, искусственно конструируемые, принципиально новые действия, правовые и по форме, и по содержанию, и по предмету, и по своим результатам: заключаются договоры, регистрируются гражданские браки, выплачиваются

алименты, закладывается недвижимость, предоставляется ежегодный оплачиваемый отпуск и т.д.

Совершение всех этих и многих других правовых действий необходимо для того, чтобы по достижении своих интересов и целей члены общества не вступали в споры и конфликты, чтобы в цивилизованном обществе все протекало правильно, справедливо, неизбежно. Действия субъектов, осознанно и целенаправленно предпринимаемые ими в правовой сфере, важны не сами по себе, но выступают лишь наиболее целесообразным способом удовлетворения разнообразных экономических, социальных, политических и других интересов и приводят в конечном счете к серьезному практическому преобразованию общественной жизни. Правовая деятельность как разновидность социокультурной внедряется в ткань социального бытия, преобразуя, организуя и стабилизируя общественные процессы⁴³.

Правовая деятельность, исходя из проведенного нами общетеоретического осмысления ее природы, специфики и сопоставления с юридической деятельностью⁴⁴, может быть определена как такая социально значимая активность (свобода выбора и свобода самовыражения), которая специально осуществляется субъектами как носителями субъективных прав и юридических обязанностей в различных сферах общественной жизни для удовлетворения своих разнообразных потребностей специфическим духовно-практическим способом (в рамках правоотношений) и которая поэтому признается обществом (фактически) и государством (официально, формально) правильной, справедливой, а в случае необходимости – дающей возможность вынести юридическое решение и в любом случае – вызывающей юридически значимые последствия.

Показательно, что в последнее время появились научные публикации, в которых авторы также на основе различения терминов “правовой” и “юридический” сопоставляют юридическую и правовую ответственность⁴⁵, правовые и юридические процессы⁴⁶, юридическую и правовую полити-

⁴³ См.: Мальцев В.А. Указ. соч. С. 16, 18.

⁴⁴ Шагиева Р.В. Правовая и юридическая деятельность: теоретические проблемы соотношения понятий // Право и государство: теория и практика. 2009. № 2. С. 6–11.

⁴⁵ См.: Бобылев А.И. Юридическая ответственность за правонарушения // Там же. 2010. № 2.

⁴⁶ См.: Осипов М.Ю. Понятие правовых процессов и их соотношение с юридическим процессом // Современное право. 2009. № 11.

⁴² См.: Право XX века: идеи и ценности. Сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М., 2001. С. 14, 22, 67.

ку⁴⁷. И, хотя попытка понятийного разграничения правовой и юридической политики не представляется удачной большинству исследователей правовой политики, даже самые активные из них вынуждены признать правомерность выделения наряду с правовой деятельностью деятельность юридическую. Познавательная ценность категории “правовая деятельность” усматривается в том, что ее необходимо отличать от категории “правовая политика”. Это, как отмечает А.В. Малько, “во многом в силу того, что и та, и другая выступают особыми видами деятельности”⁴⁸. В ряде новейших юридических исследований говорится о необходимости различать правовую и юридическую деятельность как о чем-то само собой разумеющемся, давно признанном в отечественном правоведении.

В контексте приведенных рассуждений можно констатировать, что категория “правовая деятельность”, пройдя длительный путь формирования и обоснования в теоретической науке о государстве

и праве, должна занять свое место в понятийном ряду правовых категорий. Но в каком? Думается, что с учетом современных подходов в качестве функционального понятийного ряда, в рамках которого можно осуществить научное осмысление специфических процессов движения правовой формы жизни, должен выступать категориальный строй относительно новой юридической конструкции – правовой системы общества. Именно тогда категория “правовая деятельность”, рассматриваемая сквозь призму функционирования правовой системы общества, т.е. в рамках действия права (в том числе и его высшей ступени – правореализации), приобретает особое методологическое значение.

Только в ряду категорий, системно охватывающих правовую сферу жизни, *правовая деятельность* как функционально-субстанциональная основа занимает достойное место. Во многом благодаря категории “правовая деятельность” правовая система общества предстает как нормативно-деятельностная система, состоящая из взаимодействующих в ней субъектов, реализующих свои интересы социально приемлемым (правовым) способом бытия, целью которого является содействие духовным, политическим, экономическим и социальным отношениям.

⁴⁷ См.: Бакарджиев Я.В. О соотношении юридической политики и правовой политики как политико-правовых явлений // Там же. 2010. № 4.

⁴⁸ Малько А.В. Правовая политика как категория XXI века // Гос. и право. 2012. № 11. С. 9.